

И. А. Качков,
Н. В. Пращерук
Уральский федеральный университет
г. Екатеринбург

ЧЕРНОВИКИ В. Ф. ОДОЕВСКОГО КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ РОМАНА «РУССКИЕ НОЧИ»

Аннотация: В статье исследуются архивные документы – черновики, письма и трактаты В. Ф. Одоевского, связанные по своему содержанию с его романом «Русские ночи» и написанные как до, так и после его публикации. Показывается, что Одоевский не только предварял написание романа созданием отдельных статей, но также в своих многочисленных записях, лишь частично опубликованных спустя сто лет после его смерти, давал объяснения относительно содержания и формы своего произведения. Реконструкция этих объяснений помогает осмыслить «Русские ночи» как феномен в единстве его проблемно-ценностной и художественной сторон. Целью исследования стал анализ архивных материалов, которые могли бы служить основой такой реконструкции. Осмысление целого ряда ключевых идей романа «Русские ночи» осуществлялось в соотнесении с теми ответами и оценками, которые находились в рукописях Одоевского. Они касались проблемы влияния немецкой философии на настроения общества той эпохи, а также взаимодействия науки, искусства, веры и любви. В своих черновиках Одоевский подробнее раскрывал природу общественного организма и отношений России и Запада, искал точное определение скептицизма и сам анализировал образ Фауста. В статье показано, как все эти архивные документы дополняют друг друга, образуя единую систему. При таком подходе сам роман «Русские ночи» становится лишь одним из элементов системы, и это приводит к общему выводу о том, что без поиска и изучения остальных элементов исследование философско-художественного мышления Одоевского становится менее продуктивным.

Ключевые слова: В. Ф. Одоевский, Русские ночи, черновики, диалоги, немецкая философия, скептицизм, Фауст, искусство, наука, организм.

Книга В. Ф. Одоевского «Русские ночи» (1844) оставила критикам и читателям немало вопросов. Странности отмечал еще В. Г. Белинский. Он срав-

нил «Русские ночи» с «Серапионовыми братьями» Гофмана, но заметил, что у Одоевского связь между вставными новеллами и ночными разговорами главных героев получилась не совсем естественной [Белинский, с. 119]. И в то же время Белинский отдал должное содержанию романа, уделив особое внимание Эпилогу и высказанным там идеям. Более того, критик даже говорит о том, что из бесед главных героев могли бы получиться целые статьи – и что Одоевский вполне мог бы выбрать для них именно такую форму [Там же].

Обратившись к архиву Одоевского в Российской национальной библиотеке, мы выяснили, что автор пытался дать ответы на вопросы о том, как складывалась форма произведения, а также о взаимодействии науки, искусства, веры и любви, об отношениях России и Запада, о личности Фауста и о смысле скептицизма. Проблема в том, что многие ответы так и остались в письмах и черновиках писателя – и частично были опубликованы относительно недавно. Только с помощью этих источников возможно реконструировать замысел «Русских ночей» и увидеть, как высказанные идеи дополняют друг друга, плавно переходя из одного текста в другой. Мы даже готовы высказать предположение, что все эти тексты являются отражением особой философской системы Одоевского, о которой писал В. В. Зеньковский, утверждавший, что «сама тенденция к систематичности стоит у него вне сомнения»¹⁴ [Зеньковский, с. 144].

Вот некоторые из этих текстов:

1) «Русские ночи, или о необходимости новой науки и нового искусства» (другой вариант названия: «Русские ночи, или опыт о необходимости и возможности новой науки и нового искусства») – эта работа не была закончена, существуют лишь черновики. Относится к 1830-м годам.

2) «Элементы народные» – набросок, связанный с некоторыми идеями «Русских ночей», особенно ярко представленными в Эпилоге. Дата точно не установлена, хотя известно, что Эпилог был написан в 1830-е годы.

3) «Наука инстинкта. Ответ Рожалину» – фрагменты, относящиеся к 1843 году.

1 Важно отметить, что разные исследователи творчества В. Ф. Одоевского могут занимать совершенно противоположные позиции во взглядах на его философию. Если В. В. Зеньковский утверждает тенденцию к систематичности, то Ю. В. Манн пишет о вражде Одоевского к философскому систематизму [Манн, с. 171]. Мы будем придерживаться первой позиции.

4) «Психологические заметки» – были изданы в 1843 году в журнале «Современник».

5) Письмо А.А. Краевскому – октябрь 1844 года. В этом письме Одоевский отвечает на критику Белинского.

6) «Русские письма» – цикл, который в 1847 году планировался как продолжение «Русских ночей», однако закончен так и не был. Остались лишь черновики письма Волкову и переписка Ростислава.

7) «Организм» – набросок, написанный после «Русских ночей», в котором автор желает пояснить связь между отдельным организмом и целым обществом.

8) «Примечание к “Русским ночам”» – было написано в начале 1860-х годов, когда Одоевский планировал переиздание своей книги и вносил правки в исходных текст.

Уже на основании этого списка можно сделать вывод, что автор не только вел серьезную подготовительную работу перед созданием романа, но и продолжал развивать отдельные идеи уже после публикации произведения.

В 1860-е Одоевский дал четкий ответ относительно предполагаемой связи «Русских ночей» с произведением Гофмана и заметил, что подобные упреки его не беспокоят: «... еще не было на свете сочинителя от мала до велика, в котором бы волею или неволею не отозвались бы чужая мысль, чужое слово, чужой прием и проч. <...> никакая мысль не родится без участия в этом зарождении другой предшествующей мысли, своей или чужой; иначе сочинитель должен бы отказаться от способности и принимать впечатление прочитанного или виденного, т.е. отказаться от права чувствовать и, след<ственно> жить» [ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 79. Л. 1]. Можно заметить, что по сути Одоевский пишет об интертекстуальной связи между произведениями, хоть и не развивает далее эту мысль. Затем он добавляет, что вообще не мог подражать Гофману, поскольку в те годы книг немецкого романтика, в частности «Серапионовых братьев», еще нельзя было найти в наших книжных лавках [Там же, л. 2].

Одоевский и сам предполагал, что форма его романа окажется непривычной для читателей. Он сомневался, смогут ли они увидеть в структуре романа живой организм, и уже заранее был готов к критике [Сахаров, с. 20]. Однако его опасения никак не повлияли на его решение издать роман

именно в таком виде, а это значит, что он преследовал более важную цель, чем просто признание со стороны широкого круга читателей.

Один из вопросов формы – непривычное построение диалогов между главными героями. Традиционное для прозы оформление прямой речи персонажей здесь является скорее исключением из правил – гораздо чаще можно встретить череду реплик с редкими ремарками, что свойственно драматическим жанрам. При этом автор часто совершает своеобразный интермедиаальный скачок: начинает диалог героев, используя прозаическое оформление, после чего без какого-либо специального перехода продолжает его уже в драматической форме. Яркий пример таких резких скачков можно найти в самом начале Ночи шестой [Одоевский 1975, с. 76].

Здесь Одоевский опирался на две жанровые традиции. Во-первых, – это античный театр, а во-вторых, – диалоги Платона. В театре Одоевского привлекала роль хора, позволявшего вовлекать зрителей в действие. Понимая, что в полной мере вернуть хор в современную драму уже невозможно, Одоевский настаивает на возвращении на сцену хоть какого-нибудь «адвоката со стороны зрителей» [ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 79. Л. 4] – т.е. ему нужен образ, близкий зрителю по идеологии и соответствующий понятиям его времени – персонифицированный глас народа.

Диалоги Платона, как пишет сам Одоевский, возбуждали не только философский интерес – писателя интересовали судьбы тех идей, которые последовательно вводились в диалогах мыслителя [Там же, л. 6]. Эти судьбы были по-своему драматичны, ведь, подобно героям драмы, философские идеи лишались своей власти над умами народа и по-своему погибали.

Мы видим еще одно подтверждение тому, что форма «Русских ночей» не заимствована у Гофмана. Перед нами диалоги как персонифицированная борьба идей, выраженная в драматической форме (кстати, в письме Краевскому Одоевский называет свою книгу «психологической драмой» [Сакулин, ч. 2, с. 453]). И еще одним доказательством этому служит трактат «Русские ночи, или о необходимости новой науки и нового искусства», который открывается чрезвычайно значимым суждением дедуктивного характера: «Фауст – наука, Виктор – искусство, Вячеслав – любовь, Владимир – вера, Я – русский скептицизм» [Ф. 539. Оп. 1. Д. 24. Л. 79]. Здесь обозначены

две главные исходные установки: во-первых, за каждым персонажем автор хотел закрепить свою доминирующую сферу и, следовательно, свой взгляд на вещи; во-вторых, позицию автора нельзя смешивать с позицией Фауста, она скорее «над схваткой».

В «Примечаниях к “Русским ночам”» Одоевский упоминал одну из своих ранних задумок: исследовать все известные философские системы, найти в каждой из них четкую формулу, персонифицировать и вывести их на сцену в качестве героев драмы, заставив решать одну единственную загадку – загадку человеческой жизни [ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 79. Л. 7]. Задача, по признанию автора, оказалась ему не по силам, но она трансформировалась в то, что получилось в «Русских ночах»: герои романа соответствуют современным Одоевскому направлениям мысли – материализм, шеллингианство, мистицизм. Однако никому из них не дается явного преимущество. Несмотря на доминирование позиции Фауста, этот герой хоть и разрушает позиции других героев, но сам так и не утверждает единственно возможную истину. Дух «русского скептицизма», проникающий в душу каждого из героев, не дает никому из них окончательно утвердиться в своей позиции.

Важно заметить, что Шеллинга Одоевский в своих работах упоминает довольно часто, признавая его вклад в философскую культуру и сильнейшее влияние на настроения эпохи. Воздействие Шеллинга испытал на себе и сам Одоевский еще во времена существования кружка Любомудров, где, как писал А. И. Кошелев, «господствовала немецкая философия, т. е. Кант, Фихте, Шеллинг, Окен, Геррес и др. Тут мы иногда читали наши философские сочинения; но всего чаще и по большей части беседовали о прочтенных нами творениях немецких Любомудров» [Кошелев, с. 12]. Исследователи даже не ставят под сомнение это воздействие. Е. А. Маймин, например, считал, что в философии Шеллинга Любомудров привлекали именно ее поэтические основания [Маймин, с. 251], и это подтверждает фраза Одоевского в «Психологических заметках»: «...в наш век наука должна быть поэтической» [Одоевский, 1975. С. 216]. Однако далее мы дадим немного другую трактовку этим словам.

Идея целостности, гармонии – все это тоже идет от немецкого идеализма. Возникает вопрос: как эта гармония достигается? Одоевский пытается

ответить на него, рассуждая о проблеме взаимодействия науки, искусства, веры и любви – именно об этом говорится в его черновиках, связанных с «Русскими ночами».

В трактате «Русские ночи, или о необходимости новой науки и нового искусства» Одоевский объясняет такое взаимодействие следующим образом: мир, где человек борется с природой и властвует над ней – это наука. Мир, где человек может отдохнуть от этой борьбы и сменить роль воина или царя на роль творца – это искусство. Однако для победы в борьбе, наслаждения этой победой и признания творческих заслуг требуется согласие окружающих – и здесь на первом плане оказывается любовь, которая распространяется на все человечество [Там же, с. 194].

Здесь есть одна важная деталь. Одоевский пишет о том, что без веры в свои силы человек не сможет ни побеждать природу, ни творить, ни любить [Там же]. Это даже не религиозная вера, а вера в совершенство человека, которое он сам в себе должен увидеть, прежде чем прикоснуться к этим трем взаимосвязанным сферам – науке, искусству и любви.

Хронологически Одоевский выстраивает появление этих стихий так: до Гомера царствовала наука, после него добавилась поэзия, с появлением христианства пришла любовь, а теперь начинается заря Веры – и сюда он уже вкладывает религиозное значение [Там же, с. 195]. Появляясь, новая стихия уничтожает прежние, и мир забывает о них, чтобы они могли переродиться в новой форме. Точно так же и Вера должна обновить науку, искусство и любовь [Там же]. В данном трактате автор разобрал лишь пример новой науки, которая, по его мнению, не должна быть так разделена своими предметами, как сейчас. Какими будут искусство и любовь мы не знаем, однако можно предположить, что и в них должен появиться определенный синкретизм. В случае с искусством это вполне оправдано стремлением романтиков найти свой *Gesamtenstwerk* – единое, универсальное искусство.

В трактате «Наука инстинкта» эти стихии начинают соотноситься с понятием нравственности: нравственным становится то, что соединяет в себе знание (наука), поэтическую красоту (искусство) и религию (вера) [Там же, с. 198]. При этом нравственность не сводима ни к одному из этих элементов в отдельности – только в их единстве она обретает свою сущность и становится частью нашей жизни.

Из «Психологических заметок» мы узнаем, что человек обладает особым нравственным инстинктом [Там же, с. 204]. Поскольку сама нравственность объединяет науку, искусство и любовь, то нравственный инстинкт помогает ученому быть поэтом в своей области, а поэту предсказывать будущие открытия. Развивая мысль Одоевского, можно предположить, что эпоху новой науки и нового искусства нравственный инстинкт должен разрушить стену непонимания и предрассудков между людьми – объединить ученых и поэтов. Именно с этим можно связать мысль о поэтической науке – так выразилось стремление соединить все сферы.

Еще один важный для Одоевского вопрос касается сущности духа времени – в черновиках ему дается несколько иное определение, чем в «Русских ночах»: «естественное развитие той или иной мысли в организме есть, кажется, то, что называют *духом* времени» [Там же, с. 211].

Вопрос об организме Одоевский хотел пояснить отдельно уже в другом трактате: «Под словом организм я понимаю соединение нескольких определенных начал или стихий (часто также единых организмов), действующих с определенной целью» [ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 55. Л. 182]. Важно отметить, что, как считает Одоевский, каждый народ является самостоятельным организмом. Его элементы формируются жизнью людей – и это формирование длится веками. Однако проблема в том, что у разных народов эти элементы могут так сильно отличаться друг от друга, что «все, что в одном организме способствует его жизни, то умерщвляет ее в другом» [Там же]. Доказывая эту мысль, Одоевский приходит к теме противостояния России и Запада и объясняет ее именно этим несопадением элементов наших организмов – нам не понять друг друга, поскольку мы не можем себе представить существование организма с элементами, отличающимися от наших [Там же].

Нельзя не заметить, что Одоевский весьма осторожно выражает мысль о России и Западе, он затрагивает проблему именно диалога культур, а не слепого подражания или отрицания. Гораздо смелее он напишет об этом в Эпиллоге «Русских ночей», дополнив его идеями другого черновика, носящего название «Элементы народные». Именно там Одоевский впервые введет метафору прививки, которую сделал Петр I для России: он, словно садовник, привил ей просвещение искусственно. Однако мысль Одоевского

идет еще дальше: если такая прививка прижилась, это значит, что не так уж чуждо ей было такое просвещение – ведь привиться могут только относительно однородные элементы. Более того, это только укрепило Россию, сама же суть ее не поменялась [ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 55. Л. 203]. Это значит, что Петра I обвиняют совершенно зря. То же положение Одоевский повторил потом и в «Русских ночах» – и уже оно могло послужить причиной критики романа со стороны славянофилов.

Нельзя не заметить, что Одоевский, несмотря на тенденцию романтизма идеализировать прошлое, обращается именно к будущему, видя в нем расцвет, а не упадок. Именно поэтому закономерным становится финал «Русских ночей», где герои приходят к идее, что Россия должна спасти Запад и что «девятнадцатый век принадлежит России» [Одоевский 1975, с. 183].

Еще один вопрос, который автор хотел пояснить своим читателям, касался образа Фауста. Трактовку этому герою Одоевский собирался дать в продолжении «Русских ночей» – «Русских письмах», где с самого начала говорилось, что Фауст умер – его время прошло. [ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 55. Л. 163]. И любопытно, что свою идею сближения общества и организма Одоевский отдает именно Фаусту, сравнивая его деятельность с работой астронома, который положился на опыт предшественников и из-за этого допустил немало ошибок в своих вычислениях. В этом была его трагедия: он хотел удовлетворить потребности настоящего с помощью смелых открытий прошлого. Главная же мысль отрывка заключается в том, что Фауст был переходным явлением – он был необходим, но сейчас надобность в такой фигуре пропала, его время прошло. Сложно утверждать, что именно в этот момент Одоевский разочаровался в идеализме и мистицизме, но определенный сдвиг в его мировоззрении уже заметен.

Наконец, что такое скептицизм? Отвечая на критику Белинского, Одоевский предлагает называть скептицизмом не вечное сомнение и поиск истины, а полное бездействие: «Медик не знает, какое дать лекарство, это незнание имеет следствием то, что он не пропишет никакого рецепта, – вот скептицизм; медик прописал лекарство, но, возвратясь домой, спрашивает себя: то ли он прописал, нет ли чего более лучшего, – делает опыты, вопрошает опыты других – это не скептицизм, но то благородное недовольство,

которое есть залог всякого движения вперед» [Сакулин, ч. 2, с. 452]. Такая мысль может в значительной мере изменить понимание сути романа, ведь ночные разговоры героев – это тоже бездействие, они стоят на месте, а это значит, что к истине они никогда не приблизятся.

О многих приведенных здесь примерах читатели смогли узнать лишь в 1975 году, когда в серии «Литературные памятники» была предпринята попытка собрать вместе почти все записи, относящиеся к «Русским ночам», а также реконструировать тот вариант редакции книги, который планировал сам Одоевский в 1860-е годы. Это издание вышло со статьей и примечаниями Е. Л. Маймина, но, как нам кажется, впервые опубликованным черновикам было уделено недостаточно внимания – они не воспринимались как необходимые и взаимосвязанные части философской системы. Как написано в примечаниях, это лишь «произведения Одоевского, идеологически и художественно связанные с “Русскими ночами”» [Одоевский 1975, с. 280].

К сожалению, даже издание «Литературных памятников» не смогло охватить все необходимые исследователям тексты. До сих пор нигде не опубликована переписка Ростислава, тоже задуманная как продолжение «Русских ночей» и часть «Русских писем». А ведь и в ней автор тоже наметил любопытную форму, создав видимость разрушения «четвертой стены» – сам герой осуществляет рефлекссию о «Русских ночах». Первое письмо начинается так: «Наши философские беседы сделались достоянием публики; к добру или к худу? Не знаем, но знаем, что они были искренни» [ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 92. Л. 147]. Далее герой высказывает свое мнение о тех ночных беседах и об их целях, а также говорит о том, что никто не пытался кому-то что-то доказать: это были попытки поднять вечные вопросы, заставить задуматься о значении науки и жизни. Это делалось лишь потому, что, как считает герой, существует боязнь этих тем – боязнь усомниться в чем-то общепринятом [Там же].

Таким образом, наряду с «Русскими ночами» Одоевский создал множество взаимодополняющих текстов, часть из которых либо недостаточно исследована, либо даже не опубликована. Во многом это связано с их фрагментарностью, явной незаконченностью¹⁵ и даже попытками

1 Фрагментарность и незаконченность в данном случае могут являться одним из принципов романтизма [Русская философия: Энциклопедия, с. 461].

самого автора их уничтожить (множество текстов просто перечеркнуто, что более всего затрудняет их расшифровку). Однако эти статьи и черновики показывают не просто развитие замысла одного произведения, а открывают системность философско-художественного мышления В. Ф. Одоевского, которая не может быть освоена в достаточной степени, если сосредоточить свое внимание исключительно на главном тексте – «Русских ночах».

Список литературы

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9 томах / ред. Г. А. Соловьев; подгот. текста. В. Э. Богграда; статья и примеч. Ю. С. Сорокина. – М.: Худож. лит, 1981 – Т. 7: Статьи, рецензии и заметки. Декабрь 1843 – август 1845. – 799 с.

Кошелев А. И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812-1883 годы). – Берлин: В. Behr's Verlag (E. Bock), 1884. – 232 с.

Одоевский В. Ф. Организм // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 55. Л. 180–182.

Одоевский В. Ф. Переписка Ростислава. Письмо 1-е // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 92. Л. 146–147.

Одоевский В. Ф. Примечание к «Русским ночам» // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 79. Л. 1–12.

Одоевский В. Ф. Русские ночи / изд. подгот. Б. Ф. Егоров, Е. А. Маймин, М. И. Медовой. – Ленинград: Наука, 1975. – 320 с.

Одоевский В. Ф. Русские ночи, или о необходимости новой науки и нового искусства // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 24. Л. 79.

Одоевский В. Ф. Русские письма. Письмо Волкову // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 55. Л. 163–165.

Одоевский В. Ф. Элементы народные // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 53. Л. 15, 84; Д. 55. Л. 203.

Зеньковский В. В. История русской философии. – М.: Академический Проект : Раритет, 2001. – 880 с.

Маймин Е. А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // Одоевский В. Ф. Русские ночи. – Ленинград: Наука, 1975. – С. 247–276.

Манн Ю. В. Русская философская эстетика. – М.: МАЛП, 1998. – 381 с.

Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М. А. Маслина. Сост. П. П. Апрышко, Р. А. Поляков. М.: Алгоритм, 2007. – 736 с.

Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель: в 2 ч. Ч. 2. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1913. – 480 с.

Сахаров В. Я. О жизни и творениях В. Ф. Одоевского // В. Ф. Одоевский Сочинения в 2 т. Т. 1. Русские ночи, статьи. – М.: Художественная литература, 1981. – С. 5–28.